

² *Правоторова А. А. Гусаченко В. Л.* Город и наследие. – Новосибирск : Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области, 2002. – С. 5–11.

³ *Горнова Г. В.* Методология исследования сущности города: объективированные формы городской культуры (К 300-летию Омска) // Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. – 2016. – № 3 (12). – С. 10.

УДК 94(47).084

Н. В. Елизарова

**ИСТОРИЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ КРАЕВЕДА
В. С. АНОШИНА)**

В статье анализируются историко-краеведческие материалы омского краеведа, директора первого в Омской области районного краеведческого музея Василия Семеновича Аношина (1897–1996), посвященные проведению коллективизации в Большереченском районе Омской области.

Ключевые слова: краеведение, коллективизация, история деревень, Омская область.

Одна из драматических страниц отечественной истории связана с аграрной политикой нашего государства в 30-х гг. прошлого века. В копийном фонде Исторического архива Омской области находятся материалы известного регионального краеведа В. С. Аношина, посвященные проходившей в Большереченском районе коллективизации.

Исследование В. С. Аношина позволяет увидеть состояние сельского хозяйства и крестьянства в Большеречье до начала коллективизации. Согласно приводимым краеведом статистическим сведениям, в преддверии коллективизации (к концу 1926 г.) существовало 46 коллективных хозяйств (товариществ): машинных – 18, мелиоративных – 19, семеноводческих – 2,

сельскохозяйственных – 1, коневодческих – 3, земледельческих артелей – 3. Все эти объединения имели 142 десятины посева. Кроме того, имелось 3 охотничьих товарищества и 22 общества потребителей¹. Немаловажно, что работа краеведа дает также возможность увидеть динамику развития коллективных хозяйств. Если говорить образно, то на протяжении 1930-х гг. диаграмма темпов развития коллективного хозяйствования колебалась – то фиксировала рост, то, напротив, отмечала резкое снижение, что подробным образом описано в работе В. С. Аношина. В исследовании можно найти количественные показатели колхозов, коммун, сельхозартелей, простейших товариществ, дворов, населения, объемов посевов, голов скота и проч.

Помимо богатого фактического материала труд, В. С. Аношина дает возможность увидеть форсированный ход событий проводимой аграрной реформы. Так, 1930 г. был объявлен годом коллективизации, в связи с чем властями местного райисполкома был утвержден план: коллективизировать 92 % хозяйств к началу посевной и 80 % всей посевной площади, т. е. буквально в течение 1–2 кварталов реализовать большую часть мероприятий.

Поскольку на большереченской земле было развито животноводство, местные власти решили сделать ставку на устройство крупных животноводческих комплексов. Одно из первых организованных крупных предприятий – коммуна «Новый путь», куда вошли несколько деревень: Старая-Малиновка, Новая-Малиновка, Хутора (ныне эти населенные пункты относятся к Нижнеомскому району. – *Н. Е.*), Тунгуслы, Каиркуль. В отдельных населенных пунктах организация коллективных хозяйств начиналась с мелких объединений (в одной деревне создавалось 2–3 и более коллективов). Так, в д. Бугалы, состоящей из 70 дворов, в 1928 г. организовалось товарищество по совместной обработке земли «3-й Интернационал» (председатель И. Н. Муромцев), а в 1929 г. возникли товарищества «Труд бедняка» (председатель Трифонов – имя и отчество не установлены. – *Н. Е.*), «Путь крестьянина» (председатель Алтаров) и промысловая артель им. И. В. Сталина. В 1930 г. все три товарищества объединились в одну сельхозартель «КИМ». В с. Копьево, напротив, в 1928 г. 18 хозяйств организовали товарищество по совместной обработке земли

«Красная зорька», в 1930 г. возникла коммуна «Новая жизнь» (председатель К. Петров), в которую вошли все хозяйства села. После объединения всего скота колхозников был образован огромный животноводческий комплекс – «свыше 700 дойных коров, 320 рабочих лошадей, свыше 400 голов молодняка, до 3 тыс. голов овец»².

Названия колхозам присваивали произвольно, руководствуясь мнением колхозников, поэтому многие наименования были дублетными (к примеру, существовало 7 колхозов «1 Мая», 5 – им. Ворошилова, 4 – им. Сталина), но можно выявить и нетипичные, выражающие мрачный подтекст: «Веселый бедняк» (объединил д. Веселое, Захаровка, Пустынное (ныне относится к Нижнеомскому району. – *Н. Е.*), «Веселый путь» (д. Ивановка), «Зажилось бедняку» (д. Николаевка).

Исследование В. С. Аношина отражает репрессивную политику государства по отношению к кулакам, массовое выселение которых произошло в 1931 г.: первая партия была отправлена в марте месяце в северные районы Омской области на подводах (Васюганские болота), вторая – в мае-июне направлена на баржах в с. Евгацино. Оценочные суждения краеведа по отношению к зажиточному крестьянству зафиксированы в духе времени – тенденциозно и однобоко: «колхозы навсегда положат конец кулацкой эксплуатации», «кулаки пролезали в колхозы и занимали ответственные должности, чтобы разлагать людей», «кулаки нагтели, стали переходить к открытым вредительским действиям», «во время проведения коллективизации яростно сопротивлялись, вели агитацию против колхозов, подпаивали водкой наиболее несознательных и находящихся под их влиянием бедняков, чтобы они выступали на собраниях, срывали организацию колхозов, некоторых бедняков запугивали» и т. п.³ В своих трудах краевед пытался доказать необходимость раскулачивания, в связи с чем говорил об активной поддержке трудовым крестьянством карательной линии партии: «...на общих собраниях колхозников и крестьянских сходах принимались решения об исключении кулаков из колхозов, а от органов Советской власти требовали выселения их за пределы района»⁴. Таким образом, помимо описательной задачи краевед В. С. Аношин выполнял также роль

пропагандиста и агитатора проводимой политики партии, направленной на насаждение коллективной формы хозяйствования.

Но, несмотря на авторскую предвзятость, в тексте приводятся важные для исторического анализа статистические данные: «Всего из района выслано 2 260 хозяйств. Имущество их конфисковано и передано колхозам. О количестве кулацких хозяйств в отдельных населенных пунктах можно судить по тому, что только из с. Такмык выслано более 40 хозяйств, из Артына – около 30, из Бугалов – 18, из Черново – 14»⁵.

Кроме того, исследования В. С. Аношина позволяют увидеть общественно-политические настроения крестьянства в годы коллективизации, реакцию на аграрную политику партийных и советских органов в деревне. Так, в артели «Новый путь» «поздно вечером, ночью или рано утром женщины заходили в колхозные дворы, забирали свой скот и угоняли домой, а потом подавали заявление о выходе из колхоза», «оплата труда была построена так, что одинаково расценивалась работа хорошего и плохого работника, часть колхозников стала выходить на работу по мере необходимости, работали с нежеланием, уклонялись от нее»⁶. Зафиксированы факты физической расправы, учиненной представителями кулачества в отношении председателей колхозов: убийство А. Л. Захарчука в д. Сеткуловка, покушения на председателей Черненко (с. Такмык), Огурцова и Куценко (д. Качесово), комсомольцев Фиалкова и Веревкина (д. Бугалы). Также отмечена порча имущества: в д. Покровка кулаки каждую ночь рубили топорами колхозные сбури, инвентарь.

В работе В. С. Аношина отмечены и факты непрофессионализма и халатного отношения к общему имуществу со стороны колхозного начальства, приводившие к массовому падежу скота и вызывающие ярко выраженное недовольство населения. «В д. Бугалы, – пишет историк, – при объединении скота собрали у колхозников тысячи голов кур и гусей, согнали их в один непригодный для птицы двор, надлежащего за ними ухода не было, в результате через несколько дней птица сотнями стала пропадать, когда дали распоряжение о возврате их хозяевам, то от них не осталось и половины». «В с. Пустынное была организована коммуна “Красный путь”, в эту коммуну свезли весь скот...

свезли в общие амбары семенное, фуражное и продовольственное зерно членов коммуны, открыли столовую общественного питания для всех членов, ежедневно на общественное питание резали 1–2 головы крупного рогатого скота. Так продолжалось два месяца. Когда подсчитали, что общественный скот убывает, прекратили забой и закрыли столовую»⁷. В связи с вышеизложенным автор справедливо делает выводы о том, что в колхозах было мало председателей, имеющих опыт руководства крупными хозяйствами.

Анализируя последствия коллективизации, краевед показывает, что она благотворно отразилась на жизни крестьян: «...значительно поднялся не только материальный, но и культурный уровень колхозного населения. Многие колхозники обзавелись велосипедами, патефонами, швейными машинами, музыкальными инструментами, молодежь стала одеваться по-городскому»⁸.

Подводя итоги, можно констатировать, что краевед В. С. Аношин, несмотря на идеологическую ангажированность, которая привела к необоснованности некоторых выводов, в целом скрупулезно и добросовестно изучил описываемый исторический период, собрав ценный фактический материал. Его исследование позволяет увидеть динамику развития крестьянских хозяйств в Большеречье, оценить влияние коллективизации на сельскохозяйственное производство в деревне, найти характеристики существовавших в то время кооперативов и провести сравнительный анализ. Поэтому труд В.С. Аношина может служить ценным источником по истории коллективизации и колхозного движения в Сибири.

¹ ИАОО. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 452. Л. 1.

² Там же. Л. 4.

³ Там же. Л. 6–7.

⁴ Там же. Л. 8.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 1–2.

⁷ Там же. Л. 2.

⁸ Там же. Л. 10.